

О. М. Мельникова

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА И ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ АРХЕОЛОГИИ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

В статье рассматривается значение опубликованных в различных провинциальных периодических изданиях вт. пол. XIX—XX вв., материалов на археологические темы как источников по истории российской археологии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: археологическая журналистика, любительская археология, профессиональная археология, российская провинция, история археологии.

Институциональная история российской археологии в последнее время все чаще привлекает внимание историков науки [например: Смирнов, 2011]. Рассмотренная сквозь призму деятельности государственных и негосударственных учреждений, формализованные и неформальные практики работы исследователей она приобретает важное значение для современного научного сообщества, а активизация историографического и историко-научного направления в археологии свидетельствует о ее зрелости, поскольку в саморефлексии наука ищет важные точки опоры для дальнейшего саморазвития.

Предметом особого интереса археологов выступают научные события конца XIX — начала XX вв., когда в результате Великих реформ стали очевидны процессы эмансипации личности, выразившиеся среди прочего в ее активном стремлении к постижению прошлой исторической действительности, в том числе сквозь призму археологических источников. Все это привело к формированию и сосуществованию разных по целеполаганию историографических практик — научно ориентированной и социально ориентированной.

По наблюдению С.И. Маловичко, в эту эпоху «в социально ориентированной практике историописания социальные функции доминируют над научными. Социально ориентированное историописание не стремится быть нейтральным к прошлому, как того требует наука, и поддерживается и/или актуализируется историческим сознанием общества, а также навязывающей обществу «нужный» образ прошлого властью» [Маловичко, 2011].

Эти процессы были особенно наглядны в российской провинции, где в пореформенные годы стала активно формироваться археологическая традиция, своими работами поддерживавшая и расширявшая границы местного историописания. Социальная ориентированность провинциальных деятелей археологии, выражавшаяся в разных формах деятельности (от раскопок археологических памятников до материальной поддержки археологических изысканий), нашла воплощение в одном весьма интересном историографическом явлении, прежде не привлекавшем внимание историков археологии. Оно связано с тем, что при детальном ознакомлении с публикациями местных деятелей на археологические темы, обнаруживается, что подавляющее большинство работ было опубликовано на страницах провинциальной периодической печати, а, следовательно, выполнено с учетом специфики функций этих изданий: обращенностью к массовой аудитории, общедоступностью содержания, публикацией наиболее привлекательных для читателя материалов [Бокарев, 2004, с. 266].

Ученые обращают внимание на значимость профессиональных изданий для становления науки как профессии [Балзер, 2001, с. 201—

202]. Поэтому периодические издания, в которых выступали с материалами на археологические темы как хорошо подготовленные в историческом плане лица, так и любители-родиноеды, способствовали не только приращению археологических знаний, их распространению среди провинциального сообщества, но и сыграли важнейшую роль в институционализации археологии, в оформлении профессиональной культуры археологов, постепенно формулируя требования к исследовательскому поведению неопитов.

Поэтому провинциальная периодика требует детального осмысления с точки зрения становления научной археологии. Рассмотрим ее в контексте развития науки в пределах соседних Вятской и Пермской губерний. Библиографические издания обнаруживают здесь широкий спектр периодики. Так, в указателе «Русская археологическая литература. 1900—1917» среди изданий, в которых публиковались статьи на археологические темы, упомянуто 10 периодических и продолжающихся публикаций широкого социального содержания. Это — «Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии», «Вятские епархиальные ведомости», «Памятная книжка и адрес-календарь Вятской губернии», «Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии», «Пермские епархиальные ведомости», «Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией» (приложение к «Памятной книжке Пермской губернии»), «Ежегодник Пермского губернского земства», «Отчет о действиях и занятиях Вятского губернского статистического комитета», «Сборник Пермского земства».

Кроме того, в этом перечне названы и продолжающиеся издания, т.е. выходявшие с определенной периодичностью, но не являвшиеся периодической печатью в строгом смысле этого слова. Будучи в некотором роде ранненаучной периодикой, они стали своеобразным прообразом будущих научных периодических изданий. Среди них 10 изданий. Это — «Записки Уральского общества любителей естествознания», «Известия Общества изучения Прикамского края», «Известия Пермского епархиального церковно-археологического общества», «Материалы для изучения Вятского края», «Материалы по изучению Пермского края», «Отчет о деятельности Кукарского образовательного общества», «Отчет о состоянии и деятельности Вятской ученой архивной комиссии», «Отчет Пермского научно-промышленного музея», «Труды Вятской ученой архивной комиссии», «Труды Пермской ученой архивной комиссии» [Русская археологическая, 2003, с. 439—452].

Как видим из этого перечня, формирующимся археологическим сообществом использовалась различная целевая аудитория,

информирование которой об археологических темах преследовало различные цели: от формирования регионального исторического сознания до организации профессиональных исследований в крае. Это отразилось на стилистике публикаций: очевидна их публицистичность. Неслучайно на страницах статей регулярно встречаются эмоциональные оценки археологических событий: «Глухой Вятский край с его вековыми лесами стоял вдали от кипучего центра политической и общественной жизни; но он был полон событий, волнуясь иногда, как море-океан. Буйные вихри общественных движений и неурядиц залетали по временам и в Вятские дебри, наполняя их своим шумом» [Шерстенников, 1890, с. 157].

Детально роль археологической журналистики в становлении профессиональной археологии в Пермской и Вятской губерниях проанализируем на примере журналов «Вятские епархиальные ведомости» и «Пермские епархиальные ведомости». Как показывает ознакомление с ними, через посредство этих изданий, наряду с другой провинциальной периодикой, археология стала приобретать собственные региональные очертания благодаря подвижнической деятельности представителей разных сословий, но в особенности, духовенства.

Журналы выходили примерно в одно время: в Вятке с 1863 г. по 1918 г., в Перми — с 1867 по 1919 г., как правило, с периодичностью два раза в месяц. Как и все «Епархиальные ведомости» в России, журналы имели два отдела — «Официальный» и «Неофициальный». Редактура осуществлялась, как в Вятке, так и в Перми в недрах местных семинарий. Редакторами неофициального отдела, как правило, являлись ректоры духовных семинарий.

Активное развитие провинциальной историографии в пореформенные годы, сформировало своеобразную библиографическую культуру, проявившуюся, среди прочего в практике регулярных публикаций библиографических обзоров и тематических указателей археологической литературы. В этой связи следует упомянуть работы священника Я. (И.) В. Шестакова: «Указатель статей по археологии, истории и этнографии Пермской губернии, помещенных в «Пермских епархиальных ведомостях» 1867—1893 гг.» [Шестаков, 1891, с. 102—107], «Указатель статей по археологии, истории и этнографии Пермской губернии, помещенных в «Пермских епархиальных ведомостях» 1867—1899 гг.» [Шестаков, 1900, с. 38—46]; «Указатель статей по истории, археологии и этнографии, помещенных в «Пермских епархиальных ведомостях» со времени их выхода по август 1915 г.» [Шестаков, 1915]. Указатели статей на темы

археологии также были подготовлены известным земским деятелем Д.Д. Смышляевым [Смышляев, 1891, с. 102—107].

Историческая динамика развития предмета археологии не позволила ограничиться только анализом статей, упомянутых в данных указателях. Дело в том, что археологические свидетельства встречаются и внутри текстов, напрямую не связанных с темами археологии. Поэтому понадобился полный просмотр обоих изданий на предмет выявления прямых и косвенных археологических упоминаний.

Археологические наблюдения осознавались современниками как социально значимая миссия. Предметное видение археологического знания отражало нерасчлененность его специфики от других областей истории. Зачастую археология понималась достаточно узко: исключительно как церковная археология. К ней относили широкий круг источников (описания городских и сельских храмов, чтимых святынь, надгробий, колоколов), объединенных общим довольно размытым по содержанию понятием «древности».

Жанровое своеобразие археологических публикаций определялось направленностью издания. Для археологической информации, встреченной в «Официальном отделе», это, как правило, разного рода отчеты. Традиционной частью «Неофициального раздела» выступает жанр путевых заметок. Так, в одной из них автор рассуждает об известном археологическом памятнике Прикамья — Елабужском (Чертговом) городище, интерпретация происхождения которого может быть интересна и современному исследователю: «Ниже Елабуги мне показали на «Чортово городище». Это башня, начатая постройкою, но не доконченная. Когда и кем она строилась, достоверно не известно. Будто бы чорт ее начал строить, но не успел до пения петуха и, когда пропел в полночь петух, бросил. Конечно это басня, а вероятнее эту башню начал строить какой-либо древний народ, на прим. те же татары, здесь обитавшие, — как сторожевую башню на случай набегов от неприятелей» [Из путевых, 1880, с. 279].

Для «Епархиальных ведомостей» значимыми являются статьи, посвященные географо-статистическим, историческим аспектам развития региона. Так, в сочинении «Пермь и Сибирь» автор обнаруживает глубокие исторические познания относительно древнейшего прошлого края: «Что бы случилось ныне с дикой Биармией? Чем бы она заявила теперь свое экономическое и политическое существование? Далеко ли Пермь ушла бы от нынешней чуди, корелы, остяков и других диких племен, населяющих северо-восточные окраины России?» [Пермь и Сибирь, 1881, с. 80].

Понимание многообразия культур в прошлом и настоящем заставляло авторов следовать складывавшимся научным нормам их изучения. Не случайно на страницах появляются документы, исходящие из Императорской археологической комиссии. Нередко публикуются обращения ИАК, к ним прилагаются методические указания для изучения археологических объектов: «Почти во всех наших губерниях ежегодно, при распашке полей, при устройстве дорог и производстве разных других земляных работ, при обвалах речных берегов, после сильных проливных дождей или по убыли воды разлившихся рек, открываются различные древности, относящиеся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда в пределах нынешней России <...> Поэтому Императорская археологическая комиссия покорнейше просит всех, кому представится случай либо самим открыть какие бы то ни было остатки древности <...>, либо узнать о находке таких вещей другими, тотчас же известить комиссию о сделанных открытиях и, если не представится каких либо особых затруднений, переслать ей и самую вещь или, по крайней мере, доставить ей подробное и обстоятельное их описание, а в случае возможности и рисунки. При этом комиссия считает долгом обратить внимание на следующие пункты: случайно открытая древность находчик не обязан уступать бесплатно, но если пожелает продать их, то получает за них соответственное денежное вознаграждение, а именно не только цену по действительной стоимости золота, серебра или того вещества, из которого они сделаны, но и особую добавочную сумму, сообразную с степенью древности и редкости найденных вещей; древности, которых находчик пожелает оставить за собою или комиссия почему либо не признает нужным приобрести, будут возвращаемы по принадлежности, с оплатою всех расходов по сему случаю; найденные древности могут быть доставлены или непосредственно в археологическую комиссию, на имя председателя ее (в С.-Петербурге), или через местные статистические комитеты, с которым она, по соглашению с Министерством внутренних дел, находится в сношениях по этому предмету» [От Императорской, 1882, с. 652—654].

В одном из номеров анонимный автор горячо доказывает провинциальному читателю значимость археологии: «Каждая переживаемая человечеством эпоха находится в непрерывной связи с прошлым, настоящее наше духовное развитие имеет свои корни и основания в глубине веков, в наследии других народов. К сожалению, среди современников приходится слышать, что заниматься изучением прошлого — значит напрасно тра-

тить время, что археологические находки мертвы и бесполезны. Очевидно, эти люди забывают, что для творческой мысли науки нет существенной разницы между живым и мертвым, между прошлым и настоящим. <...> И общественные науки, от развития которых зависит в значительной степени и общественное устройство, черпают материал в науках исторических и археологических. Историк, археолог останавливается перед прошлым, как бы задавая вопрос: «Скажи нам, прошлое, как устроить настоящее и что ожидает нас в будущем?» [Важность прошлого, 1910, с. 1033].

Излагается понимание значения археологии как науки: «Историк, изучающему прошлую судьбу Вятского края, должны быть особенно дороги так называемые вещественные памятники старины, по которым можно судить, как жили прежде наши предки, какие обычаи они имели, как одевались, как обставляли свои жилища и прочее. Но еще, пожалуй, важнее проследить высшие запросы их души: их верования, религиозные обряды». Для ответов на столь широкий спектр вопросов, анонимный автор предполагает исследовать разнообразный круг археологических источников: «В разных местах России, в том числе, и в Вятской губернии, встречаются до сих пор остатки древних городищ, курганы и могилы, и добытые из них путем раскопок предметы: оружие, монеты, металлические вещи, украшения, сосуды и прочее проливают свет на доисторический быт обитателей Восточной Европы» [Важность прошлого, 1910, с. 1033].

В статье обращено внимание и на значимость освоения методики археологических исследований: «Нужно быть специалистом, чтобы судить правильно о старинных вещах, разбираться в разных вопросах, связанных с археологической ценностью. Поэтому для лиц, интересующихся родной стариной, но не занимавшихся ранее археологическими изысканиями, необходимы некоторые указания» [Важность прошлого, 1910, с. 1034].

Интересно, что занятия археологией воспринимались авторами «Ведомостей» как деятельность в рамках единой мировой науки, хотя и с российской спецификой. В одной из работ эта специфика видится в следующем: «Западный мир давно сознал, какое важное значение для развития ума, современной науки и искусства имеет изучение прошлых эпох. Он смотрит на дело изучения старины, не как на забаву от безделья богатых людей, но как на серьезное дело. Там при университетах открываются кафедры, <...> в Западной Европе образовалась целая сеть археологических институтов. <...> Изучаются памятники давно прошедших эпох, исследуются пласты земли. Музеи Лондона, Рима,

Берлина, Парижа заполняются ценными коллекциями с последних раскопок в Египте, Палестине, Индии. Открыты Иерихон, Троя и Микены. Так прилежно работают ученые запада <...>. У нас в России работают только отдельные личности, труды которых известны ученому миру. Но сделанное — капля в море в сравнении с предстоящими грандиозными трудами. Много памятников седой старины в нашем отечестве не исследовано совсем. Много гибнет дорогих памятников, благодаря невежественному и даже намеренно злому отношению к ним обывателей» [Важность прошлого, 1910, с. 1034].

Авторы статей, знакомые с археологией, подчеркивают сложный, кропотливый характер этой деятельности, требующей трудолюбия и выносливости: «Собирание сведений о древностях при обилии предметов, подлежащих изучению, требует продолжительных разъездов, массы утомительных мелочных справок, так что одному лицу, например, заведующему музеем, не под силу выполнить этот труд. Требуется широкое содействие интересующихся родной стариной лиц, которые сочувствовали бы делу и могли бы оказать ему пользу» [Кибардин, 1910, с. 700].

Обратим внимание на довольно широкое знакомство авторов статей с научной и публицистической (в том числе исторической) литературой своего времени. Об этом свидетельствуют описи церковных библиотек. Так, в одной из них упомянуты не только духовные, но и светские издания: «Христианское Чтение», «Воскресное Чтение», «Православный Собеседник», «Духовная Беседа», «Духовный Вестник», «Странник», «Душеполезное Чтение», «Руководство для сельских пастырей», «Труды Киевской Духовной Академии», «Труды Императорского Вольного Экономического Общества», «Народная Беседа», «Блюститель здоровья и хозяйства», «Морской Вестник» [Шерстенников, 1890, с. 115].

Интересна в этом отношении и реклама книжной продукции на страницах «Епархиальных ведомостей», где наряду с сугубо церковными изданиями, аннотируются объявления о продаже или выходе из печати широкого круга научных, научно-популярных, иллюстрированных, в том числе и исторических, изданий («Вокруг света», «Досуг и дело», «Вестник Красного Креста», «Наука и жизнь», «Малютка», «Русские исторические рассказы», «Русско-турецкая война», «Народы России», «Альбом картин Зимнего дворца», «Урал» и даже «Журнал парижских мод»).

Через эти журналы, а также через систему обмена между провинциальными изданиями, постепенно формировалась исследовательская культура авторов. В статьях самих «Ведомостей» нередки упоминания о знакомстве с исследовательской деятельностью крупнейших

научных археологических обществ России и Императорской археологической комиссии.

Историографические экскурсии характерны для всех опубликованных работ, правда, они не являются полноценными историографическими разделами: избранные для анализа труды предшественников в них специально не обосновываются, круг упомянутых работ явно не полон, нередко выбор ссылки связан с необходимостью приведения авторитетного мнения по проблеме. Однако понимание учета предшествующего исследовательского опыта в изучении темы большинству работ, несомненно, присуще. Четко осознается необходимость научно-справочного материала в форме ссылочного аппарата.

Следует подчеркнуть, что нацеленность на изучение местной истории не исключала для авторов публикаций изучения ее в контексте развития общенациональной истории. В частности, сказанное выражается в привлечении максимально доступных данных по местной истории: «Для планомерности работы придется быть весьма бдительными при разработке материала, не ограничиваться только местными источниками, но и обратить внимание также как на соседние, так и на более отдаленные губернии» [Решетников, 1905, с. 155].

При знакомстве с археологическими трудами выявляется еще одна специфическая особенность — стремление авторов к само-рефлексии. Собственные археологические изыскания воспринимаются в первую очередь как научная деятельность: «здесь самое широкое поприще для образованных людей послужить на пользу науки своими трудами в собирании и хранении древностей края», а миссия духовенства виделась в «услуге историку» в собирании материалов для истории своей епархии и церкви». Значимость научных деяний подтверждалась авторитетом религиозных источников: «Важно, чтобы всякий проникся любовью к прошлому родины и сознал, что воспоминание о днях древних может осветить настоящее помянух дни древние, и поучихся во всех делах твоих (Псал. 142)» [Решетников, 1905, с. 165].

Избирая для изучения церковно-археологические и вообще археологические древности, авторы «Ведомостей» действовали соответственно единственно возможной для тогдашнего состояния провинциальной исторической науки познавательной-целевой установке: прежде чем написать, осмыслить историю, необходимо установить исторические факты. Все публикации подчинены познавательным задачам эмпирического уровня научного исследования: выявлению исторических источников, в ряде случаев попыткам на основе фактов исторического источника описать научные исторические факты. Не случайно

описание — важнейшая форма подачи археологической информации.

Нередко структура публикаций диктовалась, очевидно, присылаемыми от столичных научных обществ анкетами. При характеристике археологических источников структура описаний была обусловлена характером имеющихся вещественных материалов: их морфологией, функциональным содержанием. У ряда авторов исследовательский интерес к древностям Вятской и Пермской губерний приобрел постоянный характер, от единичных отчетов об археологических экскурсиях они переходят к осмыслению процессов местной истории, хотя, безусловно, оно осуществлено сквозь призму церковно-исторического взгляда и обыденного сознания.

Подавляющее большинство заметок, статей, информационных сообщений, связанных с археологией Вятской и Пермской губерний, носит анонимный характер. Основная масса священнослужителей православной церкви — авторов «Епархиальных ведомостей» — получила общее и богословское образование в духовных семинариях, причислявшихся в Российской империи к средним учебным заведениям. По уровню образования и финансирования они были соизмеримы с гимназиями. Несмотря на то, что в их учебном курсе преобладали богословские науки, в значительном объеме преподавались и науки общеобразовательные, входившие в курс классических гимназий [Россия, 1991, с. 396]. Церковная археология, в разной форме была представлена в учебном процессе духовных учебных заведений.

Несомненно, исходный образовательный уровень вкупе с характерными для священнослужителей традициями внутрисемейного неформализуемого интереса к истории, предопределили специфику исследовательских подходов, отразившихся в журнальных публикациях. Эти подходы можно рассматривать как некий переходный момент от любительской к профессиональной деятельности исследователей местной истории. Вычленение представителей духовенства из общего круга краеведческой среды, основанное на их специальной исторической подготовке в духовных учебных заведениях, позволяет более четко представить себе обычно аморфно описываемое любительское археологическое сообщество как совокупность деятелей, имевших различное понимание о структуре, функциях, а также содержании археологического исследования.

Концептуальная модель исторических построений, опиравшаяся, в том числе на археологические материалы, включала в себя страстное желание вывести факты местной истории на арену национальной истории, хотя основные усилия и затрачивались именно на поиск и описание этих фактов. Стремление к

выявлению и описанию новых фактов отодвигало на дальний план их теоретическое осмысление. Эта задача была преждевременна.

Таким образом, пристальный взгляд на содержание археологических публикаций на страницах «Епархиальных ведомостей» позволяет выразить сомнение в традиционной характеристике российской провинциальной археологической традиции применительно к археологам, вышедшим из духовной среды во второй половины XIX — начала XX вв., как дилетантской. Этимология термина «дилетант» как любитель, занимающийся какой-либо наукой без специальной подготовки, поверхностно знакомый с какой-либо областью науки, в нашем случае, археологии, не соответствует исследуемому нами материалу. Следует вкладывать и особый смысл в характеристику археологии как любительской не в значении дилетантской, а в оппозиции к понятию «профессия» как устойчивой трудовой деятельности, являющейся источником дохода, предусматривающего определенную совокупность теоретических знаний, практического опыта и трудовых навыков и определяемый разделением труда. Авторы «Епархиальных ведомостей», безусловно, владели, — каждый в разной мере, методологией археологического исследования, что выражалось и в структуре их статей, и в формулировке объекта и предмета исследования, и в навыках источниковедения, соответствующих этапу становления региональной исторической науки, основанного на обыденных, научных исторических и церковно-исторических знаниях. Полученное духовное гуманитарное образование было достаточным не только для первичного сбора археологических источников, но и для рассуждений о предмете науки, ее социальных функциях, сопоставительных характеристик российской археологии с мировой наукой. Все это, наряду с активностью светских лиц, способствовало формированию регионального исторического сознания. Исследовательская методология, изложенная на страницах «Вятских епархиальных ведомостей» и «Пермских епархиальных ведомостей» позволяет говорить о неоднородном характере и многослойности провинциальной любительской краеведческой традиции.

Археологические сведения на страницах «Епархиальных ведомостей» выполняли важные социальные функции: они были частью значимого процесса накопления исторических источников о регионе и транслировали полученные знания через внутрицерковное издание, реализуя образовательную и популяризаторскую функции науки. Сами издания оказались включенными в социокультурное коммуникативное пространство Вятской и Пермской губерний и способствовали формированию этого пространства.

Периодические издания, выходявшие, в том числе, из недр духовной среды или при ее активном участии из среды научных обществ и общественно-просветительских организаций, стали тем полем, где выкристаллизовывалась традиция местного историописания, базирующаяся на знании как церковной, так и гражданской истории, почерпнутом в недрах духовных семинарий и академий. Археологические заметки, сообщения, статьи стали значимой основой, на которой впоследствии в регионе стала развиваться собственно профессиональная историография, начавшая активно складываться в конце второго десятилетия XX в. в связи с открытием Пермского отделения Петроградского университета и продолжившаяся уже 1920—30 гг. в связи с созданием первых научно-исследовательских и педагогических институтов в Ижевске, Перми, Кирове.

Можно с уверенностью расширять круг историко-научных источников для второй половины XIX — начала XX вв. за счет периодических изданий. Они дополнили массовую провинциальную научную историческую литературу ценными сведениями по археологии региона. В этой связи региональная историография должна пристальнее всмотреться в феномен археологической журналистики как интеллектуальный фундамент современной науки в регионе, и как источник формирования профессиональных норм в археологическом сообществе.

- Балзер Х. Интеллигентные профессии и интеллигентно-профессионалы / Х. Балзер // Из истории русской интеллигенции. — СПб., 2003. — С. 201—202.
- Бокарев Ю.П. Периодическая печать / Ю.П. Бокарев // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. — М., 2004. — С. 266—276.
- Важность прошлого // Вятские епархиальные ведомости. — 1910. — № 33. — С. 1032—1034.
- Из путевых впечатлений. От Перми до Нижнего // Пермские епархиальные ведомости. — 1880. — № 28. — С. 279—281.
- Кибардин Н.В. Ответ на статью В. Носырева: «Об учреждении в Вятке церковно-археологического музея» / Н.В. Кибардин // Вятские епархиальные ведомости. — 1910. — № 24. — С. 701—708.
- Маловичко С.И. Локальная история vs историческое краеведение с точки зрения источниковедения историографии / С.И. Маловичко Точка доступа: <http://www.newlocalhistory.com/content/malovichkosi-moskva-lokalnaya-istoriya-vs-istoricheskoe-kraevedenie-s-tochki-zreniya> (дата обращения 30.04.2012).
- От Императорской археологической комиссии // Пермские епархиальные ведомости. — 1882. — № 46. — С. 652—654.
- Пермь и Сибирь // Пермские епархиальные ведомости. — 1881. — № 7. — С. 80—81.
- Решетников М. Учреждение в г. Вятке губернской ученой архивной комиссии. (Задачи деятельности комиссии и условия успешного выполнения ею этих задач) / М. Решетников // Вятские епархиальные ведомости. — 1905. — № 3. — С. 695—700.

Россия. Энциклопедический словарь / Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. — СПб., 1898 (Переизд. Л., 1991). — С. 396.

Русская археологическая литература. Библиографический указатель. 1900—1917. — СПб., 2003. — С. 439—452.

Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в российской империи (очерки институциональной истории науки XIX — начала XX вв. / А.С. Смирнов. — М., 2011. — 592 с.

Смышляев Д.Д. Указатель статей по археологии, истории и этнографии Пермской губернии, помещенных в «Пермских епархиальных ведомостях» 1867—1889 гг. / Д.Д. Смышляев // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1892 г. — Пермь, 1891. — С. 102—107.

Шерстенников А. Исторические сведения о селе Укане и Уканском приходе Глазовского уезда / А. Шерстенников // Вятские епархиальные ведомости. — 1890. — № 5. — С. 86—157.

Шестаков И. (Я.) В. Указатель статей по археологии, истории и этнографии Пермской губернии, помещенных в «Пермских епархиальных ведомостях» 1867—1893 гг. / И. (Я.) В. Шестаков // Адрес-календарь Пермской епархии на 1894 г. и справочная книжка для духовенства. — Пермь, 1894. — С. 116—122.

Шестаков И. (Я.) Указатель статей по археологии, истории и этнографии Пермской губернии, помещенных в «Пермских епархиальных ведомостях» 1867—1899 гг. / И. (Я.) Шестаков // Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1900 г. — Пермь, 1900. — С. 38—46.

Шестаков И. (Я.) Указатель статей по истории, археологии и этнографии, помещенных в «Пермских епархиальных ведомостях» со времени их выхода по август 1915 г. / И. (Я.) Шестаков // Источники и пособия при изучении Прикамского края. — Сарапул, 1915. — 37 с.

О. М. Мельникова

АРХЕОЛОГІЧНА ЖУРНАЛІСТИКА ТА ІНСТИТУЦІАЛІЗАЦІЯ АРХЕОЛОГІЇ В РОСІЙСЬКІЙ ПРОВІНЦІЇ

У статті досліджується таке маловивчене досі історико-наукове явище як археологічна журналістика. Воно розглядається як значущий етап у становленні професійної археології у В'ятській і Пермській губерніях у другій половині XIX — початку XX ст. Здійснено детальний аналіз періодичних видань — журналів «Пермські епархіальні відомості» та «В'ятські епархіальні відомості». Виявлено основні археологічні теми, які піднімалися авторами публікацій та були значимими для формування наукових знань про минуле регіону.

O. Melnikova

ARCHAEOLOGICAL JOURNALISM AND INSTITUTIONALIZATION OF ARCHAEOLOGY IN THE RUSSIAN PROVINCE

This paper researches a historical and scientific phenomenon that remained almost unstudied - an archaeological journalism. It's regarded as a significant stage in professional archaeology development in the Vyatka and Perm provinces in the second half of XIX early XX centuries. A detailed analyses of periodicals «Perm Diocesan Newspaper» and «Vyatka Diocesan Newspaper» were found relevant to the formation of scientific knowledge about the past of the region.